

ТРОЕ В ЛОДКЕ

Валентин Курбатов

Писатель

У старости нет случайностей. Я любил когда-то музей Щусева и непременно после «Ленинки» заглядывал в него, чтобы «потрогать» время, ведь в архитектуре оно осязатее и зримее, чем в остальных искусствах. Нет-нет я отваживался и писать об архитектуре и как-то в статье о Вороникине обронил, что архитектура — не «застывшая музыка», что уже стало картинным общим местом, а «застывшая идеология». Ох, и досталось мне от редактора!

Кажется, это было году в 1968-м: «Думай, что пишешь. Житель какого-нибудь Теплового Стана или Чертанова выглянет в окошко, и что он подумает в этой «вставной челюсти» домов вокруг о родной заботливой власти...»

Вот, наверное, память о том времени и толкает меня в московские наезды: пройти мимо «Щукина», мимо Гранатного переулочка и Дома архитектора. И вот в последние дни мая

2019 года вижу на Доме архитектора афишу «Акварели Льва Катаева». Катаев, Катаев... Как заноза — откуда помню?

И чуть вошел — еще до портрета увидел в начале экспозиции откуда-то знакомые зеленые мокрые облака кустов, словно не написанных, а взлохмаченных кистью, как ветром, и долгие опять знакомые поля, как отражение неба. Откуда, откуда я знаю их? Подошел. Господи, Малы! Родная псковская деревня под Изборском — счастливая колония художников под крышей псковского реставратора и художника В.П. Смирнова, где я, как раз под крышей, нет-нет живал на чердаке. Овальное окно, оправленное в загородную старую раму, звалось «Четыре времени года». Оно выходило на озеро и дальний берег, и художник Господь вставлял в эту раму зим-

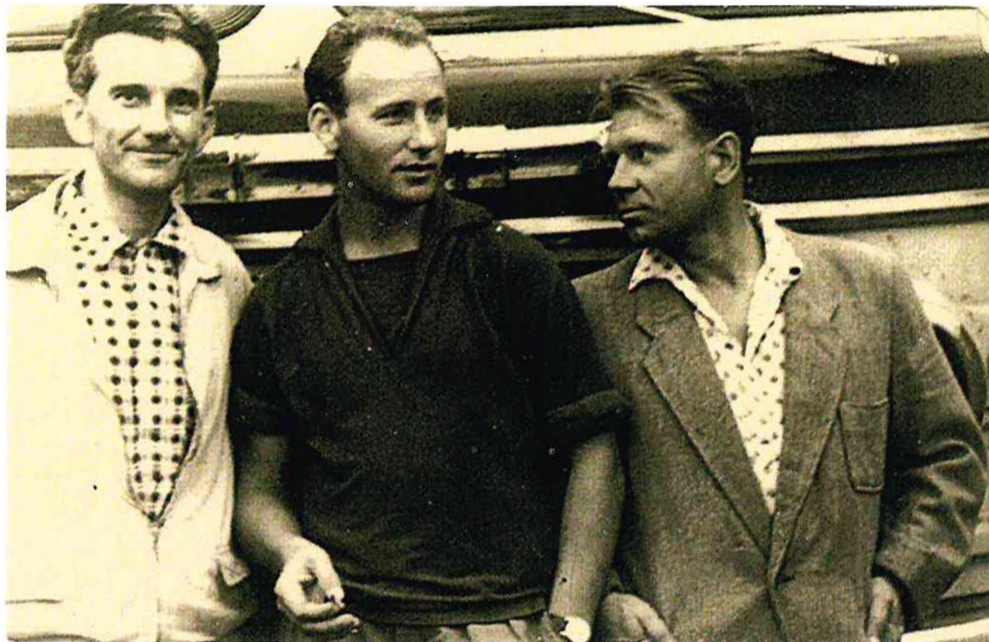

Малы.
Художник В. П. Смирнов,
акварель

ние небеса в звездах, золотые осени и кипящую зелень июней.

В это окно в свое время выглядывали на Божий мир ректор Питерской Академии художеств Петр Тимофеевич Фомин, частый московский гость Малов Петр Павлович Оссовский (конечно, его звали здесь Питер-Пауль, как Рубенса), наставлял зоркий объектив Борис Степанович Скобельцын и (вот теперь вижу) архитектор Лев Павлович Катаев, в свое время однокурсник Всеволода Петровича и Бориса Степановича по питерскому послевоенному ЛИСИ.

И тут я сразу вспомнил: вот он кто — Катаев-то! Вспомнил и акварель Всеволода Петровича с теми же кустами, словно они глядели друг у друга из-за плеча или сами кусты проверяли в них «похожесть» — природа часто ревнива к своим отражениям и не любит нашего своеволия. Только Всеволод Петрович звал тогда Катаева «Левка», и я не сразу соединил «Лев Павлович» и «Левка». Все они были реставраторами, собранными в общую лодку Всеволодом Петровичем. Борис Степанович со своими Николой в Устье и Николой на Усохе,

Б.С. Скобельцын, А.П. Катаев,
В.П. Смирнов. 1950-е

и все более затягивающей его фотографией был чуть на особицу, а Катаев и Смирнов работали вместе.

И теперь мы видим их общий памятник пяти погибшим большевикам на острове Залита, где сеть в небесах держит звезду, как отсвет живого неба. А в Пскове устремляет в небо зенитные стволы для победного салюта памятник Неизвестному солдату, и ночами звезды над ним вспыхивают, как живые искры этого длящегося салюта.

А ведь был еще неосуществленный памятник Ледовому побоищу. Кажется, шел 1969 год (оставалось три года до 730-й годовщины сраже-

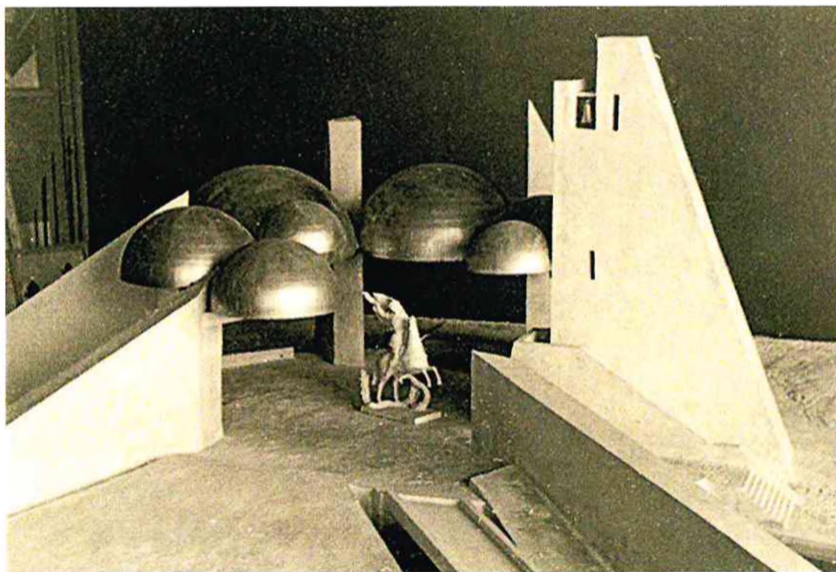
ния), и проект представляли в недавно отреставрированной Приказной палате архитекторы Катаев и Смирнов и скульптор Васильковский. Были и другие проекты, но сразу, заслоня соперников, царил над всеми этот — необыкновенный! Несколько полусфер (да чего там? — сразу читалось — храмовых куполов) сходились, как дружина в шеломах под коваными, вьющимися на ветру знаменами. А в середине этого «отряда» разил змея Егорий Победоносец. Купола держались сверкающими треугольными пилонами, как восставшими на врага льдинами. И одна читалась

звонницей, как голосом народной победы.

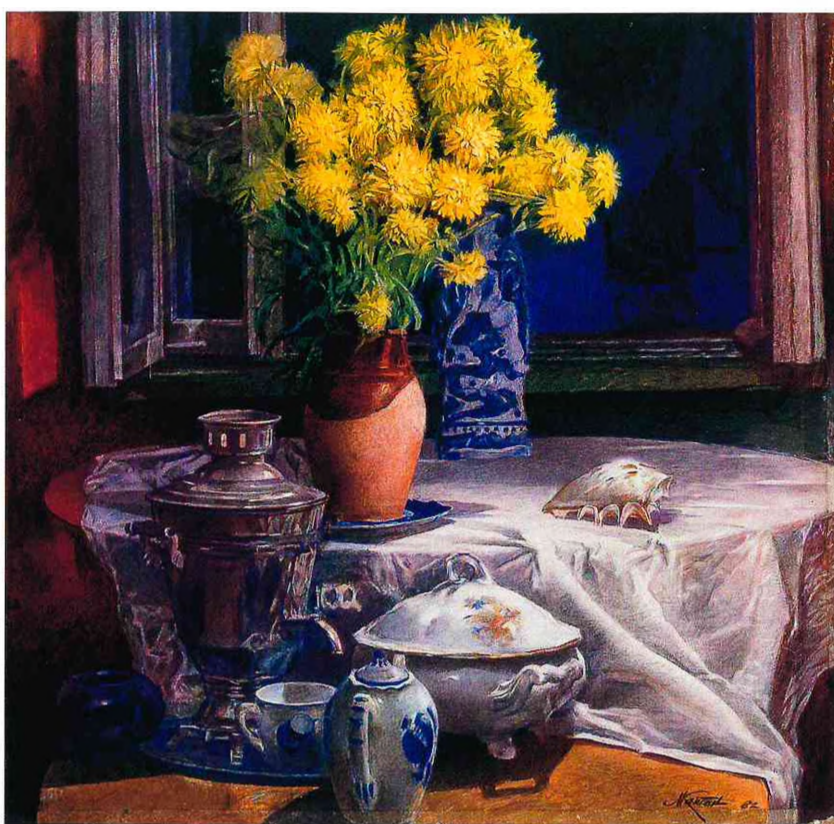
Была в проекте и редкая тогда отвага соединения вод, небес, памяти и воли. Казалось, и обсуждать нечего — так несомненна была победа этого великого замысла. А только год-то шел 1969-й — едва притихло хрущевское гонение на церковь. Не ушло — притихло. И, конечно, встал секретарь по идеологии Псковского обкома партии (помилосерствую, не назову — он потом стал первым «монархистом») и нарочито, чтобы подчеркнуть бытовую обыкновенность обсуждения, сунув мизинец в ухо и прочищая слух, словно ему кто-то возражал, сказал: «Эх, Всево-

лод Петрович, вы за кого нас держите? Мы что, не видим, что вы хотите подсунуть нам собор? Пора бы лучше слышать время...»

Тут все и кончилось. Пикни тогда кто против идеологии... А вон какие люди еще до обсуждения уже с благодарным восхищением писали о проекте: Юрий Черниченко в «Правде» («Правде!» — сегодня уже и не объяснишь этот восклицательный знак), Дмитрий Лихачев в «Ленинградской правде», Александр Проханов — тоже в правде, только «Комсомольской». Вон сколько «правд». И про храм никто ни гу-гу (умные потому что), даже и про Георгия Победоносца (просто «русский воин»),

.....
Проект монумента
в память о Ледовом побоище.
Скульпторы Смирнов и Катаев,
архитектор Васильковский

Золотые шары акварели
А.П. Катаева. 1982

чтобы уж со всех сторон защитить, а вот зоркое начальство умолчанием не проведешь. Оно насквозь видит. И лучший (и на сегодняшний час!) проект осуществлен не был.

Но мысль-то у меня от выставки А.П. Катаева потянулась в другую сторону (это уж про памятники-то теперь от обиды вспомнилось). Как они — все реставраторы послевоенного Пскова с великими работами,

которые теперь для новых реставраторов школа и образец, оставаясь замечательными мастерами реставрации, потихоньку и по своей воле все чаще выходили из архитектуры, чтобы найти себя в других искусствах.

И вот с годами я все чаще думаю, что именно плоть материала, с которым они работали, и увела их в эти другие искусства, ведь в реставрации архитектор не только у куль-

мана стоит. Ему надо самому и камень обтесать, и топором помахать, и объективом ощупать пространство, и памятник, а потом, скажем, в акварели, написать его уже не как рабочую «отмывку», а именно как часть Господнего мира, чтобы он и на листе оставался не отражением, а самостоятельным произведением искусства. Только тогда он вернется в полноту истории живым...

Живым, живым! Вот разгадка их отдачи другим искусствам. Не воскрешать чужое, а жить своим духом и прямым продолжением Господнего дела! Малы научили их вглядыванию в мир и слышанию друг друга и своей единственности. Камень, дерево, железо, поле и небо стали их лучшими учителями. И Лев Павлович стал акварелистом редкой высоты, так что его натюрморты и пейзажи сами стали плотью мира, его творением. Альбомы фотографий Бориса Степановича вернули родному небу и камню историческую даль и снова собрали рассеянное было войнами, произволом времени русское сердце в живое наследованное целое, воскресили в нем дух и память.

Железо Всеволода Петровича зацвело розами и запело птицами,

взялось в небо боевыми знаменами и стало послушно под рукой кузнеца, как перо и лист, как дерево и чаша. Памятники возвращали всем им память о первоначальной простоте и ясности жизни.

Они все в разной степени успели узнать великую войну, которая для нас сегодня ушла в мифологию. Все слова о ней нынче уже не означают тех чувств и той правды, которой они жили тогда. А они не хотели унижать эту правду «литературой», мифом. И от этого их любовь к плоти мира отзывалась дивными листьями акварели, светом фотографии, розами и птицами железа.

Они лучше нас слышали благословенное единство жизни, где памятник — не прошлое, а деловое и отцово (а через них и наше) кровообращение, требующее живого продолжения. И оттого они сами были не сухою «наукой», а делящимся творением жизни, органической частью родной истории, чье мальское овальное окно выходило на вечность, одетую в четыре времени года, долгое чудо жизни и немеркнущее счастье Победы.

Из статьи В. Курбатова «Трое в одной лодке». Газета «Псковская губерния», 15 апреля 2020 г.